

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ*

В последнее время в отечественной коптологии наблюдается рост числа публикаций, в частности по коптскому ткачеству¹. Свою лепту в освещение этого вопроса пытается внести Т. А. Гонтарь.

Коллекция коптских тканей Львовского музея этнографии и художественного промысла происходит из бывшего собрания Музея ремесел во Львове. Сложилась она более 100 лет назад и является одной из наиболее значительных в стране, включая 18 образцов, уступаая только коллекциям Эрмитажа (более 3300 образцов), Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве (более 250 тканых фрагментов) и, наконец, Музея западного и восточного искусства в Киеве (28 образцов тканей). В статье Т. А. Гонтарь рассматривается 10 характерных памятников ткачества из Львовского музея, 6 из которых воспроизведены в журнале.

Появление работ, знакомящих читателей и специалистов с малоизвестными памятниками, следует всячески приветствовать. Однако относительно данной статьи сделать это можно лишь с оговорками. Ряд серьезных огрехов, допущенных автором, вынудил нас взяться за перо.

Неточности начинаются в самом начале статьи. Указывая источник поступления тканей в музей, Т. А. Гонтарь пишет: «Эта коллекция была куплена в 1898 г. в Ахене у известного русского исследователя египетской культуры профессора В. Г. Бока» (с. 114). Хранитель Отделения средних веков и эпохи Возрождения Императорского Эрмитажа, действительный член Русского археологического общества Владимир Георгиевич Бок (1850—1899)², к сожалению, не был профессором и не являлся обладателем коптских тканей, впоследствии составивших коллекцию Львовского музея, — они были куплены у его однофамильца — каноника из Ахена Франца Бока.

Автор отмечает уникальность львовского собрания (с. 114) и многообразие техник исполнения тканей (с. 119). Это далеко не так. Львовские образцы представляют собой ординарную художественную продукцию египетских тканей, служивших по большей части украшением одежды и имеющих многочисленные аналоги среди тканей других музеев. Весьма ограничен и технический диапазон рассматриваемых тканей, которые демонстрируют лишь употребление гобеленовой (иногда с добавлением «летающей иглы») и петельчатой техник.

Ряд натяжек допускает Т. А. Гонтарь и при описании конкретных вещей. По фрагментарным декоративным вставкам лишь предположительно можно судить об их причастности к туникам, плащам, накидкам и т. п., а о принадлежности их мужчинам или женщинам вообще говорить не приходится. Неверно называть нарукавные вставки-полосы клавмами. Ошибочно и другое утверждение: «Длинные полосы-клавмы были вытканы вместе с полотном, а круглые, квадратные или овальные панно выполнялись отдельно и затем нашивались на одежду» (с. 114). Вопреки этому утверждению панно с декоративными мотивами всех композиционных форм ткались вместе с полотном, а вот нашивка их поверх другого полотна свидетельствует о вторичном использовании художественных фрагментов.

Существенным недостатком работы Т. А. Гонтарь являются неверные датировки. При всей сложности этой проблемы в коптологии сейчас довольно уверенно можно говорить о том, что предлагаемые автором статьи даты для большинства вещей слишком ранние — их следует на полтора-два столетия «омолодить». Для указанных автором довольно узких хронологических рамок (III—VIII вв.) необходима тщательная аргументация. Ныне общепринято датировать памятники коптского ткачества IV—XII вв.

При знакомстве со статьей создается впечатление, что при ее написании были использованы труды по меньшей мере 60-летней давности. Кроме того, у Т. А. Гонтарь датировка экспонатов, их описание, стилистические и технические характеристики нередко совпадают с теми, которые мы встречаем в большой статье С. Я. Гонщаровского³, где подробно описаны (с указанием плотности тканей, их цветового строя, стилистических особенностей, иконографических черт, аналогий и др.) и воспроизведены 12 лучших тканей львовского собрания. Это обнаруживает серьезное знакомство автора статьи с капитальной работой своего предшественника, ссылка на которую у Т. А. Гонтарь почему-то отсутствует.

Хочется надеяться, что публикации образцов коптских тканей из других собраний нашей страны (Киев, Тбилиси, Ереван, Минск, Иваново и др.) также найдут место на страницах журнала «Советская этнография» с учетом замечаний, высказанных в адрес Т. А. Гонтарь.

Ю. В. Трубинов

Примечания

¹ См.: Шпон Г. С. Отечественные публикации по коптологии и греко-римскому Египту. Библиогр. указ. Л., 1989; Каковкин А. Я. Дополнения к библиографическим указателям по коптологии // Народы Азии и Африки. 1990. № 3. С. 199-202.

² Литературу о В. Г. Боке см.: Каковкин А. Я. Коптская коллекция Эрмитажа за сто лет // История Эрмитажа и его коллекций. Л., 1989. С. 93-94.

³ Gąsiorowski S. J. Późnohellenistyczne i wczesnochrześcijańskie tkaniny egipskie w zbiorach polskich // Prace Komisji Historii Sztuki. Kraków. 1928. T. IV. Z. II. Fig. 1, 4, 6, 10, 13, 17, 20, 33, 51, 56, 57, 62.

* Гонтарь Т. А. Коптские ткани в собрании Львовского музея этнографии и художественного промысла АН УССР // Сов. этнография. 1991. № 3. С. 114—119.